

ЎЗБЕКИСТОН РЕСПУБЛИКАСИ ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУҚ РЕСПУБЛИКИ ЎЗБЕКИСТАН

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОИЙ
ФАНЛАР

1994

3—4

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Издается с мая 1957 г. по 12 номеров в год

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТА.

Страницы истории

Ф. Х. НАБИЕВ

**О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ ПОЛОЖЕНИИ
ТУРКЕСТАНСКОГО КИШЛАКА 1921—1924 ГОДОВ**

После окончания кровопролитной гражданской войны утвердившаяся в нашей стране новая власть, вдохновленная своей победой, перешла к решению выдвинутых лидером большевистской партии В. И. Лениным задач «строительства социализма в одной стране». Страна же к этому времени находилась в состоянии крайней разрухи. Продукция крупной промышленности в 1920 г. составляла едва 15% от довоенного уровня, а, например, производство хлопчатобумажных тканей — лишь 5%. Из-за отсутствия топлива, сырья, развала на транспорте, нарушения межрайонных и межотраслевых хозяйственных связей не работало большинство предприятий, тем более, что значительная часть рабочих была мобилизована в армию, а многие ушли в деревню, спасаясь от голода.

В тяжелейшем состоянии находилось и разоренное войной сельское хозяйство, где резко сократились площадь посевов, поголовье скота, урожайность и валовые сборы продовольственных и технических культур. Деревня была почти полностью лишена поставок сельскохозяйственного инвентаря и промышленных товаров широкого потребления¹.

Все это делало еще более тяжким бремя политики «военного коммунизма», особенно продразверстки, массовых реквизиций, запрета свободных рыночных связей и т. п. В. И. Ленин вынужден был признать несостоятельность попытки «сокрушить капитализм штурмом», т. е. путем «самым сокращенным, быстрым, непосредственным, перейти к социалистическим основам производства и распределения»².

Широкие слои населения страны, особенно его основная масса — крестьянство, все более открыто выражали свое недовольство политикой «военного коммунизма». Во многих местах вспыхивали крестьянские волнения, рабочие устраивали забастовки. Против политики «военного коммунизма» выступали и различные оппозиционные группы в правящей партии большевиков. И партии, государству «диктатуры пролетариата в форме Советов» пришлось отказаться от методов «кавалерийской атаки на капитал». Это отступление было вынуждено сочетанием назревшего в стране общего кризиса, экономического, социального и политического. Ленину пришлось признать: «...Мы натолкнулись на большой, — я полагаю, на самый большой, внутренний политический кризис Советской России. Этот внутренний кризис обнаружил недовольство не только значительной части крестьянства, но и рабочих»³.

¹ См. об этом: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976. С. 297 и след.; История Узбекской ССР. Том третий. Ташкент, 1967. С. 323; и след.; и др.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 44. С. 204.

³ Там же. Т. 45. С. 282.

Перед лицом массового недовольства сложившейся ситуацией, грозившего опрокинуть новую власть, пришлось срочно пересматривать и перестраивать внутреннюю политику «государства диктатуры пролетариата», и X съезд партии по инициативе В. И. Ленина провозгласил отказ от политики «военного коммунизма», взял курс на «новую экономическую политику» (нэп), главным стержнем которой было допущение свободных (в определенных «сверху» рамках) рыночных отношений, предпринимательской деятельности, торговли. В этих целях продразверстка, т. е. в сущности тотальная мобилизация продуктов сельского хозяйства, была заменена продовольственным налогом, после внесения которого крестьяне могли часть своей продукции реализовать на рынке, т. е. обменять их на промышленные товары посредством купли-продажи. Иначе говоря, большевистской партии, Советской власти пришлось признать силу и значимость традиционных форм хозяйствования, экономических связей промышленности и сельского хозяйства, создававших материальную заинтересованность крестьянства в развитии сельского хозяйства, дающего не только продовольствие, но и сырье для промышленности.

В Туркестане, как и во многих других национальных районах страны, переход к нэпу осуществлялся в особенно трудных условиях. Гражданская война носила здесь затяжной характер (в связи с обусловленным многими причинами широким размахом «басмаческого» движения) и нанесла колоссальный урон экономике, особенно сельскому хозяйству и его основе — ирригации.

Сложившиеся до революции экономические связи Туркестана с Россией были основаны прежде всего на том, что Туркестан должен был поставлять метрополии сырье, в первую очередь хлопок, получая взамен хлеб и промтовары. В обстановке военного времени, резкого упадка промышленного производства в России, длительной оторванности края от Центра ввиду военной блокады и разрухи на транспорте, упадка хлопководства, животноводства и других отраслей сельского хозяйства в Туркестане и т. д. сложившиеся в прошлом хозяйственные связи края с Центральной Россией были нарушены. Туркестанский кишлак не мог получать из России необходимое ему количество хлеба и промтоваров, и дехкане стали вместо хлопка сеять продовольственные культуры. Но воспользоваться произведенными ими продуктами в полной мере они не могли в условиях ожесточенных военных действий противоборствующих сил, продразверстки, реквизиций и т. д. Все это поставило дехканство Туркестана в крайне тяжелое положение. К тому же в край хлынула масса голодающих из Поволжья и других районов Центральной России. В результате туркестанское дехканство само оказалось перед лицом голода и прочих лишений.

Реальную обстановку в туркестанском кишлаке к 1921 г., т. е. ко времени введения нэпа, могут наглядно охарактеризовать следующие факты. Общая площадь посевов в крае уменьшилась по сравнению с 1915 г. почти вдвое (под хлопком — более чем в 5 раз), валовая продукция сельского хозяйства — втрое, поголовье скота — втрое⁴; многие хозяйства были полностью разорены. И в таких условиях дехканам приходилось испытывать бремя продразверстки, реквизиций, жесткой государственной монополии на хлопок, шелк, шерсть, каракуль и т. п. Да плюс еще произвол и разного рода злоупотребления и «ошибки» местных органов, военных властей и др. Отсюда и «разгул басмачества», отражавший протест оказавшегося в тяжелейшем положении коренного населения края.

⁴ См.: История Узбекской ССР. Том третий. С. 328—329.

Таким образом, отказ от политики «военного коммунизма» в условиях Туркестана был особенно необходим, тем более, что удельный вес сельского населения здесь был еще выше, чем в Центральной России. Поэтому уже в апреле 1921 г. ТуркЦИК принимает решение о замене продовольственной, фуражной и сырьевой разверстки натуральным налогом, размеры которого были определены специальным постановлением ТуркСНК в августе 1921 г.⁵ Здесь, в отличие от Центральной России, налог исчисляли в зависимости не от собранного урожая, а с десятины засеянной земли и с учетом не только реальной урожайности, но и количества голов крупного и мелкого скота в каждом хозяйстве. Поскольку государство, прежде всего «Центр», были особенно заинтересованы в увеличении производства хлопка и других технических и специальных культур (например, табака), их посевы на 1/3 площади освобождались от налога⁶.

Общая сумма налога по Туркеспублике определялась на 1921 г. в следующих размерах: зерна — 12 млн. пудов, фуража — 8785 тыс., мяса — 165 тыс., овощей — 1500 тыс., фруктов — 400 тыс., шерсти — 20 тыс. пудов и т. д.⁷

Налог был с самого начала четко социально дифференцирован. Так, с хозяйств, имевших до 2 дес. земли, взималось 5% урожая, 2—4 дес. — 10%, 4—6 дес. — 12%, 6—8 дес. — 14%, 8—10 дес. — 16% и т. п.⁸ Кочевники, имевшие менее 4 голов скота, налогом не облагались. Таким образом, тяжесть налогов ложилась прежде всего на зажиточные слои кишлака, т. е. на экономически наиболее крепкие хозяйства.

Вся политика большевистской партии и Советской власти на селе была нацелена на всемерную классовую, социальную дифференциацию сельского населения, всяческое ущемление зажиточного крестьянства, упорное противопоставление ему бедноты, безземельных и малоземельных крестьян, батрачества, «сельского пролетарского и полупролетарского элемента». Этого требовали Ленин в своих трудах, решения ЦК партии и Советского правительства. Так, Ленин писал, что, поскольку мелких производителей — крестьян «нельзя прогнать, их нельзя подавить», то с ними «надо ужиться»⁹. При этом он требовал усиления давления на «кулака» и всяческой поддержки бедняков, противопоставления их «кулаку». В этом же духе были выдержаны и партийные документы тех лет. Так, в циркулярном письме ЦК РКП(б), направленном в адрес ЦК КПТ 11 января 1922 г., указывалось, что «советская экономическая политика должна реализовать меры поддержки трудового землероба и хлебороба»¹⁰.

Из этих же установок исходила и Компартия Туркестана. Так, в резолюциях ее VII съезда (март 1923 г.) предписывалось, что «вся работа Советской власти должна быть окрашена в сугубо классовый цвет»¹¹. Поэтому нужны «все возможные льготы... бедноте»¹², что необходимо «в целях более успешной борьбы против байства»¹³.

Таким образом, вся, в том числе и социальная, политика в туркестанском кишлаке носила тогда ярко выраженный социально-клас-

⁵ См. там же. С. 336.

⁶ Там же.

⁷ История народного хозяйства Узбекистана. Т. I. Ташкент, 1962. С. 112.

⁸ Там же.

⁹ Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 27.

¹⁰ Образование и деятельность Компартии Туркестана (летопись событий). Ташкент, 1966. С. 269.

¹¹ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана (1918—1924 гг.). Ташкент, 1968. С. 155.

¹² Там же. С. 171.

¹³ Там же. С. 176.

совый характер, направленный на всемерное социальное размежевание сельского населения и оказание максимального давления на его зажиточную часть.

Но вместе с тем здесь нельзя было не учитывать и национальный аспект, сохранение сильных пережитков колониальной политики царской России, прежде всего проявлявшейся на селе в том, что значительная часть земель коренного населения, особенно в период столыпинских реформ, в результате переселенческой политики царизма была захвачена колонизаторами. Немало земель было отобрано у местного населения при подавлении массового восстания народов Средней Азии в 1916 г.

Коренное население, и прежде всего дехканство, все настойчивее требовало возврата захваченных земель. Учитывая, что значительная часть их оказалась в руках переселенцев («кулака»), партийные и советские органы пошли навстречу этим требованиям коренного населения, и в 1921—1923 гг. в Туркесреспублике была проведена земельно-водная реформа, основное содержание которой составляло изъятие земель у зажиточной части переселенцев с передачей их беднейшим, безземельным и малоземельным дехканам.

На осуществление этой реформы были непосредственно нацелены решения V съезда КПТ и IX съезда Советов Туркестана (сентябрь 1920 г.). V съезд КПТ в своей резолюции «О задачах Коммунистической партии в Туркестане» указал, что «царское правительство в Туркестане систематически создавало основу для колониальной эксплуатации... производило систематический захват земель туземного населения... и всячески покровительствовало эксплуататорским аппетитам русского кулачества, ...его обогащению за счет туземной бедноты»¹⁴. Поэтому съезд принял решение, помимо «широкого применения системы реэмиграции», «отобрать от переселенцев... все земли, экспроприированные... у киргиз, оставляя переселенцам участки в размере трудовой нормы»¹⁵. Этой землей предполагалось наделить как «трудовое кочевое население», так и чайрикеров и мардикеров в оседлых районах¹⁶. Одновременно была дана установка — «организовать туземную бедноту» для избавления ее «от колонизаторского разбоя и от эксплуатации баев»¹⁷, принять особые меры «для классового расслоения оседлого и кочевого населения»¹⁸ и всячески содействовать «скорейшему выявлению туркестанскими массами их классовой физиономии»¹⁹.

Особое внимание проведению земельной реформы уделил проходивший в сентябре 1920 г. IX Краевой съезд Советов. Вслед за V съездом КПТ он взял курс на изъятие излишков земель у колонизаторских элементов с передачей их главным образом коренному населению (разумеется, только сельской бедноте. Зажиточная часть коренного населения не могла и рассчитывать на возврат тех земель, которые захватили у нее колонизаторские элементы).

Земельная реформа была проведена тогда прежде всего в Семиреченской области и отчасти в Сырдарьинской и Ферганской областях. Разместившиеся там с разрешения царских властей или самовольно колонизаторские элементы всячески эксплуатировали коренное население. Они не только захватывали лучшие земли и уводили скот у местных жителей, но и выступали в роли ростовщиков, взимая огромные проценты за ссуду денег, семян, инвентаря. На их землях экс-

¹⁴ Там же. С. 75.

¹⁵ Там же. С. 77.

¹⁶ Там же. С. 78—79.

¹⁷ Там же. С. 76—77.

¹⁸ Там же. С. 77 и след.

¹⁹ Там же. С. 106.

плуатировались самым нещадным образом чайрикеры, мардикеры и др.²⁰ Только в Ташкентском уезде переселенцы, обосновавшиеся в 5 самовольческих поселках, отняли у местного населения 1217 десяти²¹.

Во многих местах принимались меры к выселению колонизаторских элементов с передачей их земель, сельхозинвентаря и скота безземельным хозяйствам. При этом указывалось, что все эти земли обязательно должны быть вспаханы, причем не только теми, кто их получал, но и теми, у кого эти земли отбирались. Такое указание дал, например, Ферганский облисполком. Одновременно он предупредил в своем постановлении, что за допущенное в ходе земельной реформы «всякое умышленное разрушение или порчу построек, сельхозинвентаря и посевов виновные будут подвергаться лишению права на получение земли, конфискации всего их имущества и передаваться суду ревтрибунала»²².

Таким образом, земельная реформа проводилась властями под угрозой репрессий. Небезынтересно и то, что изымавшиеся у колонизаторских элементов земли Ферганский облисполком решил в первую очередь распределить не среди коренного населения, а среди семей красноармейцев и им же в первоочередном порядке предоставлялась помощь из государственных средств²³.

При проведении реформы были допущены разного рода недостатки: не всегда земельные органы располагали точными данными о размерах хозяйств, наличии у них земли, скота, инвентаря. Не хватало опытных кадров землемеров и вообще грамотных работников. Нередко допускалась неоправданная спешка. Вместе с землями колонизаторских элементов во многих местах отбирались и земли у зажиточных хозяйств из числа коренного населения, в том числе середняков. Нередко распропагандированные партийно-советскими агитаторами дехкане отбирали земли, скот, инвентарь у зажиточных хозяйств сами, без участия земкомиссий. Во многих случаях органы местной власти устраивали канцелярско-бюрократическую волокиту с решением острого для коренного населения земельного вопроса. В результате в вышестоящие органы посыпалась масса жалоб, отнюдь не всегда беспочвенных²⁴. Недовольные реформой зажиточные хозяйства оказывали проводнику ее упорное сопротивление, прибегая не только к угрозам и террору, но и к уничтожению семян, инвентаря, скота, срыву посевной кампании и т. п.²⁵ Далеко не все вновь землеустроенные хозяйства получили необходимый им скот, инвентарь, семена.

Но как бы то ни было, образовавшийся в результате проведения реформы в 1921 г. земельный фонд в размерах 232,2 тыс. дес. получили 12 326 хозяйств²⁶.

Разумеется, этого было далеко недостаточно для решения аграрного вопроса в крае в целом и коренного улучшения положения кочевого и оседлого сельского населения Туркестана. Не были ликвидированы не только безземелье и малоземелье, но и чересполосица, дальнотемелье, длиннотемелье и т. п. Зато резко обострились отношения на селе между местным и пришлым населением и между разными слоями коренного населения кишлака и аула. Под влиянием партийно-

²⁰ См., напр.: Знамя труда. 1921. 25 мая.

²¹ ЦГА Узбекистана, ф. Р-25, оп. 1, д. 862, л. 165.

²² Знамя труда. 1921. 13 апр.

²³ Там же. Эта же газета сообщает, что землю получили и красноармейцы из 13-го кавалерийского полка (Знамя труда. 1921. 22 мая).

²⁴ ЦГА Узбекистана, ф. Р-39, оп. 1, д. 432, л. 13—14 и др.

²⁵ См.: Ирригация, сельское хозяйство и животноводство. 1922. № 1—2. С. 24.

²⁶ ЦГА Узбекистана, ф. Р-25, оп. 1, д. 1704, л. 23—31.

советской пропаганды среди безземельного и малоземельного дехканства все чаще высказывались призывы к «сплошной экспроприации байства»²⁷. Такие призывы еще более обостряли обстановку в кишлаке, что не могло не отразиться на состоянии «басмаческого» движения и вообще на ожесточении всех социальных противоречий.

14 октября 1921 г. было опубликовано постановление ЦК РКП(б), в котором говорилось, что в дальнейшем мероприятия по земельной реформе следует проводить в порядке землеустройства. На основе этого постановления в Туркестане был выработан план землеустроительных работ, предусматривавший проведение в 1922 г. землеустройства на общей площади около 4230 тыс. дес. с охватом этими мероприятиями 75 тыс. хозяйств коренного и пришлого населения²⁸.

В ходе этих работ в 1922 г. было изъято у колонизаторских элементов 48 700 дес. земли. Но во многих местах землеустроительные работы тогда не были завершены из-за нехватки финансовых ресурсов, кадров и т. п. Нередко местные органы власти допускали в ходе землеустроительных работ грубые ошибки. Далеко не все бедняки, получившие землю, наделялись семенами, инвентарем, скотом, обеспечивались кредитами и т. д., а значит, они не имели возможности вспахать и засеять земли, убрать урожай. Поэтому имели место случаи, когда беднота бросала полученные по реформе земли, обращалась к зажиточным хозяйствам за ссудами, предлагала им свой труд на началах чайкичества, мардиксства и др. Ущемлялись нередко и интересы среднего крестьянства, допускались всякие злоупотребления, произвол и бюрократизм местных властей. И вновь «наверх» шел поток жалоб, а ряды «басмачей» получали новые пополнения.

Явно обозначилось и обострение межнациональных отношений. В этой связи пришлось даже Президиуму ВЦИК адресовать населению Туркестана специальное обращение от 31 августа 1922 г., в котором он вынужден был признать обострение отношений между русским и киргизским населением. Под напором потока жалоб и заявлений с мест Президиум ВЦИК не считал возможным отрицать «вероятность отдельных ошибок» в проведении земельной реформы в Туркестане и поручил Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана оперативно разобраться в этом деле и исправить допущенные на местах недостатки²⁹.

В свою очередь, Турккомиссия предложила создать при ТуркЦИКе «авторитетную комиссию» для разбора поступающих жалоб. Реализуя это предложение, ЦИК Туркестанской Республики 15 ноября 1922 г. опубликовал «Положение о порядке рассмотрения земельных и водных споров», в соответствии с которым все возникающие по поводу земельно-водных отношений конфликты подлежали рассмотрению только в образуемых в областях и уездах специальных земельно-водных комиссиях, а местным органам предписывалось признавать исключительные компетенции этих комиссий и не вмешиваться в их деятельность³⁰.

Всего за 1921 — первую половину 1923 г. в Туркестанской Республике в ходе проведения землереформы и землеустроительных работ было ликвидировано более 400 самовольческих поселков, хуторов и заимок, выселено 8084 хозяйства, признанных кулацкими. В земельный фонд государства было изъято около 264 тыс. десятин. В земфонд перешло также более 1,5 млн. десятин казенных земель. Из этих ресурсов 15 745

²⁷ Ирригация, сельское хозяйство и животноводство. 1922. № 1—2. С. 29.

²⁸ ЦГА Узбекистана, ф. Р-25, оп. 1, д. 283, л. 276—278.

²⁹ См. об этом: Аминова Р. Х. Аграрные преобразования в Узбекистане в годы перехода Советского государства к нэпу. Ташкент, 1965. С. 106.

³⁰ См. там же.

хозяйств коренного населения получили около 600 тыс. десятин под посевы и пастбища³¹.

Коренное население края с удовлетворением восприняло эти меры по ликвидации последствий колонизаторской политики царизма.

Однако эти мероприятия, затронувшие лишь незначительную часть хозяйств Туркестана (менее 16 тыс.) и около 0,7% всех пригодных для сельскохозяйственного производства земель (общая площадь их в Туркестане достигала 84 млн. десятин³²), имели в целом больше политическое значение, чем экономическое. Основной массы сельского населения края эти меры не коснулись, и его социально-экономическое, материальное положение в начальный период нэпа, в сложнейших условиях общей разрухи, оставалось весьма тяжелым.

Даже к 1925 г. только по Ташкентской, Ферганской и Самаркандской областям в полном наделении землей нуждались 19 137 хозяйств, а в дополнительном — 277 194, или более половины всех хозяйств этих областей³³. К тому времени не имели никаких посевов 14,7% хозяйств в Ташкентской области, 9,3% — в Ферганской, а 19,3% хозяйств Ферганы имели посевы на площади до 0,5 десятины. Вместе с тем 38,7% хозяйств Ферганской области не имели никакого скота, 45,6% — рабочего скота, а 72% — коров. В Ташкентской и Самаркандской областях рабочего скота не имели более 28% хозяйств и т. д.³⁴ Эти данные наглядно свидетельствуют о реальном социально-экономическом положении основной массы сельского населения Туркесреспублики.

О тяжелом материальном положении дехканства Туркестана в те годы убедительно говорят и конкретные статистические сведения относительно доходов и расходов хозяйств Джизакского уезда на 1924/25 г. Хозяйства с земельной площадью 0,51—1 дес. имели условно-чистый доход (за вычетом текущих хозяйственных затрат) 506,84 черв. руб., фонд потребления — 473,82 руб., на личное потребление — 391,01 руб., остаток — 82,81 руб. У хозяйств, имевших до 2 дес., остаток составлял 298,89 руб.³⁵ Между тем цены на продукты питания, промтовары, топливо и др. были высокими, и дехканам приходилось всячески экономить свои расходы. Так, если хозяйства, имевшие 4—6 дес. земли, расходовали на питание в среднем 56,15 черв. руб. в год, то хозяйства с 0,51—1 дес. могли потратить на пищевые продукты лишь 25,54 руб. в год³⁶. Столь же мизерны были их расходы на одежду и иные личные нужды.

Не только бедняцкие, но и значительная часть середняцких хозяйств едва сводили концы с концами в своем мизерном бюджете. Так, в Самаркандском уезде хозяйства, имевшие 2—3 дес., закончили 1924/25 хозяйственный год с дефицитом 132,58 руб., а в Каттакурганском — 315,51 руб.³⁷ Все это наглядно свидетельствует о тяжелом материальном положении дехканских масс даже к концу существования Туркесреспублики.

В этих условиях неотложнейшей задачей было оказание широкой массе сельского населения, особенно сильно пострадавшего от бурных событий послереволюционных лет, всемерной помощи сельскохозяйственным инвентарем, рабочим и продуктивным скотом, семенами, промтоварами, кредитом и т. д.

Определенные меры в этом отношении принимались. Так, 5 апре-

³¹ ЦГА Узбекистана, ф. Р-20, оп. 1, д. 278, л. 28—33.

³² См.: Аминова Р. Х. Аграрные преобразования... С. 118.

³³ См. там же.

³⁴ См.: Бюллетень ЦСУ УзССР. 1925. № 9. С. 7; № 12. С. 17—25.

³⁵ Там же. 1925. № 74—76.

³⁶ Там же. С. 62, 87.

³⁷ Там же. С. 69.

ля 1921 г. был проведен республиканский воскресник по оказанию «помощи красному дехканству». Участники его собирали металлолом для изготовления запасных частей к сельхозинвентарю «по указанию местных земотделов и посевкомов»³⁸.

10 апреля 1921 г. был организован «день помощи дехканству»; коллективы всех промышленных предприятий посвятили этот день изготовлению различного сельхозинвентаря³⁹. Аналогичные мероприятия проводились и в дальнейшем, уже в форме «шефства города над селом». Принимались меры к организации агрономических, машинно-прокатных пунктов, опытных селекционных станций, ремонтных мастерских и т. д. Так, в 1922 г. в Туркестане действовало 65 машинно-прокатных пунктов, 28 агропунктов, 22 показательных участка, 21 ремонтная мастерская, 10 питомников⁴⁰. Но их деятельность в целом не имела должного размаха и распространялась лишь на незначительную часть хозяйств.

Дехканство нуждалось в сельхозинвентаре и запасных частях к нему. Имевшееся у него и без того недостаточное количество орудий наполовину уже пришло в негодность, нуждалось в срочном ремонте или замене. Однако реальных возможностей для широкой постановки ремонтных работ в республике не было, а нового инвентаря поступало очень мало и не всегда в нужном ассортименте. Да и возможности крестьян, состояние их бюджета не позволяли закупать необходимые им орудия труда⁴¹.

Очень тяжелая ситуация сложилась и в животноводстве в силу массового истребления скота в ходе военных действий, нехватки кормов, эпизоотий, отсутствия должной зоотехнической, ветеринарной помощи и т. д. И в годы нэпа продолжалась практика изъятия скота у хозяйств разными органами. ТуркЦИКу пришлось даже издать 15 августа 1922 г. специальное постановление, запрещающее разного рода изъятия и «перераспределения» скота, а исполком Ташкентского новгородского Совета вынес 30 апреля 1922 г. «обязательное постановление», предписывавшее всем местным органам возвратить изъятый у молочных ферм скот⁴². Таких «обязательных» решений принималось немало, но изъятия скота всякими ведомствами под различными предлогами продолжались, как видно, даже в условиях мирного времени.

На положении дехканских масс Туркестана крайне отрицательно отражался резкий рост цен, прежде всего на промышленные товары, хлеб, сахар, иные продукты, а также на орудия труда. Так называемые «ножницы цен» основательно подрезали и без того скудный дехканский бюджет. Например, в 1923 г. дехкане Самаркандской области получали за выращенный ими урожай зерновых в среднем по 2—2,5 аршина ситца за 1 пуд зерна⁴³.

Цены на промтовары росли, что вызывало острое недовольство крестьян. Учитывая это, государственным органам пришлось принять особые меры к сокращению столь резкого разрыва в ценах на промышленные товары и продукцию сельского хозяйства. Однако и в дальнейшем дехканство испытывало немало трудностей с приобретением промтоваров, объем производства которых не соответствовал реальным потребностям населения города и деревни.

³⁸ Партархив ИИП при ЦК КПУз, ф. 60, оп. 1, д. 1958, л. 1.

³⁹ Образование и деятельность Компартии Туркестана... С. 244—245.

⁴⁰ ЦГА Узбекистана, ф. Р-29, оп. 3, д. 2845, л. 75 об.; д. 2496, л. 84.

⁴¹ Подробнее об этом см.: Аминова Р. Х. Аграрные преобразования... С. 208—226.

⁴² Известия ТуркЦИКа. 1922. 24 июня.

⁴³ См.: История Узбекской ССР. Том третий. С. 369.

Все это осложняло положение дехканских масс, затрудняло подъем их хозяйства, восстановление сельского хозяйства Туркестана. Об этом говорят уже такие факты, что в 1924 г. посевная площадь в Туркестане составила лишь 2/3 от довоенного уровня⁴⁴. Если в 1913 г. валовая доходность сельского хозяйства края достигала 480 млн. руб., то в 1923 г. — лишь 161 млн. руб. Посевы хлопчатника едва составили 30% довоенной площади⁴⁵. Поголовье скота тоже было гораздо ниже довоенного. Даже к 1925 г. треть хозяйств в туркестанском кишлаке не имела рабочего скота, а еще треть располагала лишь по 1 голове тяглового скота⁴⁶.

Партийно-советские органы вынуждены были признать, что нэп в целом в ряде аспектов не улучшил, а еще более ухудшил положение многих дехканских хозяйств, и что требуются действенные меры для улучшения условий существования широкой массы сельского населения. Это было возможным, как отметил V съезд КПТ (август 1921 г.), «только при урегулировании его социальной жизни»⁴⁷, в том числе путем решения острых проблем хозяйственной жизни и быта населения кишлака, обеспечения его потребностей в промтоварах, предоставлении всевозможных льгот и т. п.⁴⁸ Иначе говоря, надо было максимально смягчить отрицательное влияние труднейших условий нэпа на экономическое, материальное положение дехканства. Но для этого нужны были огромные материальные ресурсы и денежные средства, которых у государства не было, нужны были напряженнейшие усилия и время. А партийно-советские органы сверху донизу были охвачены стремлением скорее добиться впечатляющих результатов «успешного восстановления народного хозяйства на рельсах нэпа», убеждать массы в возможности быстрого решения проблем «превращения России нэповской в Россию социалистическую».

Однако суровые реалии сложнейших условий жизни «нэповской России» не соответствовали этим лозунгам и надеждам. Как вынужден был признать VII съезд КПТ, «Советская власть покуда не имеет сколько-нибудь больших возможностей как в области непосредственной материально-хозяйственной помощи беднейшему и маломощному дехканству, так и в отношении регулирования рыночной конъюнктуры в интересах трудящихся масс кишлака и аула»⁴⁹.

Съезд констатировал, что «нэповская обстановка в кишлаке и ауле создает ряд новых опасностей... Намечается процесс обнищания маломощного дехканства»; «могут создаваться противоречия между городом и деревней...» Все это означает, «что хозяйство кишлака и аула не легко и не скоро вступит на путь восстановления и развития своих производительных сил»⁵⁰.

В этой ситуации партийно-советские органы Туркестана стремились преодолеть все огромные трудности восстановительного периода усилением натиска на зажиточные слои кишлака. У «байско-кулацкого элемента» экспроприировали «излишки» земли, скота, инвентаря, многие хозяйства под разными предлогами («причастность к басмачеству», «сопротивление властям» и т. п.) просто ликвидировали, а семьи «классово чуждого элемента» выселяли. Зажиточные хозяйства облагались повышенными налогами, лишались государственного кредита, поставок сельхозорудий и т. п. Так, ставка продналога, установлен-

⁴⁴ Там же. С. 371.

⁴⁵ Там же. С. 363—364.

⁴⁶ История народного хозяйства Узбекистана. Т. I. С. 154.

⁴⁷ Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана... С. 171.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. С. 179.

⁵⁰ Там же.

ная для хозяйств, имевших 8—10 десятин земли, была в расчете на 1 дес. более чем втрое выше, чем с хозяйств, имевших до 2 десятин земли⁵¹. Членам кооперативов, профессиональных организаций (типа Рабземлеса) и классовых объединений (типа союзов «Кошчи», «Чарва») предоставлялись различные льготы по налогообложению, кредитам, обеспечению промтоварами, хлебом, инвентарем и др. Однако при этом предписывалось, что членами этих организаций могут быть только «обрабатывающие землю исключительно своим трудом», — как специально подчеркнул еще V съезд КПТ (сентябрь 1920 г.)⁵². VI съезд КПТ (август 1921 г.) также решительно потребовал «последовательного очищения» союзов «Кошчи» от «всех непролетарских элементов»⁵³, т. е. и от середняцких трудовых слоев кишлака. А это означало, между прочим, и лишение их разного рода льгот и помощи от государства и кооперативных организаций.

При введении продналога, согласно установкам VI съезда КПТ, маломощные хозяйства можно было вообще освободить от обложения, а на зажиточные слои давить «всею силою государственного принудительного аппарата путем ...репрессий»⁵⁴.

VIII съезд КПТ (май 1924 г.) также указал на необходимость всяческого «ограничения эксплуататорских элементов, их влияния на село»⁵⁵.

При этом с новой силой была подчеркнута задача переноса в области налогообложения «всей тяжести на имущие слои города и деревни»⁵⁶.

Наряду с экономическим нажимом усиливалось и политическое давление на зажиточные слои кишлака через подвергавшиеся интенсивной агитации и пропаганде батрацко-бедняцкие слои и особенно их молодое поколение. Всемерно велась работа по противопоставлению бедноты «байско-манапскому и кулацкому элементу», «пробуждению классового самосознания» бедноты и усилению социальной дифференциации кишлака и аула. На эти цели была направлена и деятельность создававшихся и функционировавших под руководством партийно-советского аппарата «классовых организаций сельского пролетариата и полупролетариата» — Рабземлеса, союзов «Кошчи», «Чарва», комсомольских организаций и т. д. Все они должны были объединять, сплачивать и активизировать беднейших дехкан и батраков «в борьбе с баями и кулаками»⁵⁷.

Этой же цели, задачам «революционного преобразования кишлака и аула» должна была служить и кооперация. Вообще-то ее задачей было всемерное содействие укреплению экономического, материального положения дехканства, решению его хозяйственных, производственных, потребительских проблем, объединению усилий дехкан в подъеме экономики села, восстановлении и развитии хлопководства и других отраслей земледелия и животноводства, ирригации и мелиорации земель, внедрению новой техники, агротехники, зоотехники и т. д.

Однако на все это требовалось очень много материальных ресурсов, денежных средств, нужны были соответствующие кадры и, конечно, время. Кооперация действительно сыграла определенную роль в решении задач восстановительного периода, но огромные трудности того времени, острейшие противоречия периода нэпа, нехватка матери-

⁵¹ См.: История народного хозяйства Узбекистана. Т. I. С. 112.

⁵² Резолюции и постановления съездов Коммунистической партии Туркестана... С. 106.

⁵³ Там же. С. 132.

⁵⁴ Там же. С. 135.

⁵⁵ См. там же. С. 221—222 и след.

⁵⁶ Там же. С. 227.

⁵⁷ Там же. С. 216.

альных ресурсов и кадров и прочие факторы объективного и субъективного порядка не позволили кооперации оказать решающее влияние на качественное, коренное улучшение условий жизни крестьян. К тому же деятельность ее была крайне политизирована, заидеологизирована, осуществлялась во всех аспектах под диктатом партийно-советского аппарата и всячески нацеливалась на «усиление классовой борьбы в кишлаке», на острое противостояние его зажиточным слоям. Кооперация активно использовалась «Центром» в усилении роли Туркестана как поставщика хлопка и другого сельхозсырья, необходимого для промышленности Центральной России; она широко использовалась в целях реализации курса на жесткую государственную монополию на хлопок, шелк, шерсть, каракуль и т. д. Кооперация была, таким образом, одним из рычагов осуществления той политики, которую проводило «государство диктатуры пролетариата», курса большевистской партии на «победу социализма в одной стране».

Все это наглядно характеризует социальную политику в деревне, в том числе в туркестанском кишлаке первых лет нэпа; ситуацию, определявшую реальное экономическое, материальное положение дехканства Туркестана, испытывшего на себе все трудности тех лет в обстановке сложнейшего экономического положения и острейшей классовой борьбы, которую партия большевиков рассматривала как неизбежное и неперемненное условие «строительства новой жизни».